

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХVIII.

1891.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Базашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1891.

Ждановъ, московскій купецъ. Историческій разказъ изъ событій отечественной войны 1812 года	21
О книгѣ: „Вережь и трудъ. Очерки политической экономіи (по М. Блоку). <i>Н. А. Тисенаулена</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Какъ устривать сады при народныхъ школахъ? Составилъ <i>И. И. Мецкерскій</i> “	—
О книгѣ: „Руководство къ изученію кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ. Составлено <i>Августиною Адольфовною Базаровою</i> “	—
О брошюрахъ составленныхъ <i>К. Дмитриевымъ</i> : 1) „Полевое хозяйство съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, картофеля и свеклы“, 2) „Выборъ посѣвныхъ сѣмянъ, обсеменение полей, уборка хлѣбовъ и вымолотъ ихъ“, 3) „Обработка земли къ ровнымъ посѣвамъ“, 4) „Какъ и чѣмъ удобряютъ землю въ хозяйствѣ съ зерновыми посѣвами, безъ посѣва въ погѣ клевера“, 5) „Удобрение и обработка пароваго поля“, 6) „Дуговые покосы и какъ ихъ улучшить“, 7) „Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки“ 8) „Тульская дешевая зерносушилка“, 9) „Молочный свѣтъ и уходъ за нимъ“, 10) „Переработка молока въ масло и сыр“	22
Объ издаваемомъ въ С.-Петербургѣ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ ежемѣсячнаго журнала „Русскій Пчеловодъ“ ный листокъ“ подъ редакціей <i>С. П. фонъ Глазенапа</i>	—
Объ изданіи <i>А. М. Калмиковой</i> : „Педагогическій календарь на 1891—1892 годъ. Составилъ <i>В. А. Воскресенскій</i> “	—
О книгѣ <i>А. Павлова</i> : „Практическій курсъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка новаго періода“	—
О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ. Составилъ <i>Д. Поповъ</i> “	—
О книгѣ: „Систематическое руководство по ручному труду. Составилъ <i>К. Цирель</i> и <i>Н. Касаткинъ</i> “	—
О книгахъ составленныхъ <i>П. И. Барышниковымъ</i> : „Русская хрестоматія. Часть I, II, III, IV, V и VI“	23
О книгѣ: „Къ столѣтію Козьмодемьянскаго городского училища. Историческая записка объ училищѣ. 1791—1890 г. Составилъ <i>В. Рябинскій</i> “	36
Объ изданныхъ <i>М. Герасимовымъ</i> Календаряхъ для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ на 1890—1891 учебный годъ	—
О книгѣ <i>С. Ширевича</i> : „Церковно-славянскій словарь. Изданіе 2-е“	37
Офіціальныя извѣщенія	23 и 37
Открытіе училищъ	24 и 37

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Г. Е. Аванасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (Нэккеръ и де-Калоннъ)	1 и 247
Н. Н. Оглобинъ. Что такое „десятина“?	40
М. Н. Бережковъ. Платье завоеванія Крыма, составленный Юріемъ Крижаничемъ (окончаніе)	65

А. Д. Липовскій. Исторія греко-болгарской борьбы въ X—XI вв.	120
В. М. Изергинъ. „Предъсловіе покаянію“	142
Д. П. Размусенъ. Къ статьѣ „О глагольныхъ временахъ и объ отношеніи ихъ къ видамъ въ русскомъ, вѣмецкомъ и французскомъ языкахъ“	185
Е. К. Рѣдинъ. Рукописи съ византійскими миниатюрами въ библіотекахъ Венеціи, Милана и Флоренціи	290
И. П. Филевичъ. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе	318
М. С. Куторга. Изъ не изданныхъ сочиненій профессора М. С. Куторги (продолженіе)	343

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

А. В. Оксеновъ. <i>Барсуковъ, И. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій</i> по его письмамъ, официальнымъ документамъ, разказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. Москва. 1891.	191
П. В. Везобразовъ. <i>L. Mabillon. Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitza</i> . Breslau. 1890.	230
В. В—скій. Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. Составилъ <i>Н. П. Заозимъ</i> . Казань. 1891.	236
В. В. Латышевъ. Керченская христіанская катакомба 491 года. Исслѣдованіе <i>Юліана Кулаковскаго</i>	393
Е. Ф. Шмурло. <i>Д. А. Корсаковъ</i> . Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка.	405
Книжныя новости	241 и 410

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

А. Ф. Соколовъ. Картины, какъ пособіе при преподаваніи географіи	1
Первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ 1889—1890 годахъ	19

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нео-филологическое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ	1
Императорская Академія Наукъ.	31
Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1890 году.	80
А. Ю. Гнршгорнъ. VII нигернаціональный гигиеническій и демографическій конгрессъ въ Лондонѣ	112
Л. Д—ръ. Письмо изъ Парижа	21

КЪ ВОПРОСУ О БОРЬБѢ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГА- ЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ.

Ни одна изъ древне-русскихъ земель не обращаетъ на себя такого вниманія ученыхъ, какъ Галицкая. Голый перечень трудовъ, посвященныхъ этой землѣ, можетъ показаться весьма внушительнымъ. На галицкой исторіи останавливаются съ понятнымъ вниманіемъ и русскіе (со включеніемъ галичанъ) и поляки, не обходятъ ея и иностранцы. Можетъ показаться страннымъ, но несомнѣнно послѣднимъ принадлежитъ въ данномъ случаѣ весьма видная роль: забытые теперь Энгель, Суть, Гоппе положили начало исторической обработкѣ судебъ древняго Галича, а до сихъ поръ еще не вполне усвоенные наукой Рейфенкугель и Ржезабекъ¹⁾ пролили не мало свѣта на одинъ изъ наиболѣе темныхъ періодовъ его исторіи.

Фактъ этотъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ значенія и интересности судебъ Галича. Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что собственно русская наука занимала въ разработкѣ этихъ судебъ далеко не первое мѣсто: не она первая обратила на нихъ вниманіе, не она двигала ихъ научную разработку, ограничиваясь въ теченіе долгаго времени передачей—да и то далеко не всегда полной и точной—результатовъ работъ мѣстныхъ галицкихъ ученыхъ, главнымъ образомъ Д. И. Зубрицкаго и отчасти И. Шараневича и А. Петрушевича.

Во всякомъ случаѣ, если въ прежнее время и отсутствовали силы, то по крайней мѣрѣ было желаніе познакомиться съ галицкой исторіей. Покойный Водянской перевелъ первый выпускъ изслѣдованія Зубрицкаго немедленно по выходѣ его въ свѣтъ на польскомъ языкѣ,

¹⁾ Пора бы намъ подумать объ установленіи правописанія славянскихъ именъ. Въ данной фамиліи чешское *ř* было бы всего правильнѣе передать черезъ *р*: Ръжабекъ; можно, пожалуй: Ръзабекъ, но не Режабекъ.

а дальнѣйшіе выпуски переводились уже прямо съ рукописи. Издавая этотъ переводъ, Бодляскій отъ имени Общества исторіи и древностей заявилъ, что оно „сочтетъ своей особенной обязанностью тотчасъ сдѣлать всѣмъ доступнымъ окончаніе этого необходимаго произведенія для каждаго, кому дорого и нужно знать дни прошедшіе и лѣта вѣчнаго своего народа“¹⁾. Дальнѣйшая обработка галицкой исторіи подвигалась въ нашей наукѣ очень медленно. Только въ 1860 году появилась небольшая книжка М. Смирнова, представляющая опытъ изложенія судебъ Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшей въ 1387 году²⁾, а въ общемъ изложеніи исторіи Руси Галичъ занялъ подобающее мѣсто лишь въ трудахъ К. Н. Бестужева-Рюмина и особенно Д. И. Иловайскаго, лично побывавшаго въ Галичинѣ и ознакомившагося тамъ со всѣми главнѣйшими произведеніями мѣстной исторической литературы. Этотъ фактъ былъ замѣченъ въ наукѣ, и его привѣтствовалъ Н. П. Дашкевичъ. Одновременно, то-есть, въ 80-хъ годахъ замѣтно оживилось у насъ научное движеніе въ области русской и особенно западно-русской исторіи. Появился рядъ новыхъ изслѣдованій, касающихся древнѣйшаго литовско-русскаго періода и исторіи отдѣльныхъ земель и областей западной Руси.

Почти всѣ эти труды носятъ скромное названіе „очерковъ“, „замѣтокъ“, почти всѣ касаются внѣшней исторіи. И это понятно: прежде всего нужно было хоть сколько нибудь расчистить почву, безъ этого по ней невозможно было бы двигаться. Путь, которымъ пошло изученіе западно-русской жизни, былъ такимъ образомъ совершенно правиленъ, но, при видимой оживленности движенія по этому пути, постоянно чувствовалась его непроторенность. Изслѣдователямъ не легко было овладѣвать матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что матеріалъ, особенно для галицкой исторіи, очень разбросанъ; довольно трудно было слѣдить и за новыми работами, появляющимися за границей; наконецъ, выводы этихъ работъ иногда просто поражали новизной и потому плохо прививались въ наукѣ, требуя полной перестройки научнаго зданія.

Такъ, напримѣръ, уже Нарушевичъ догадывался, что Болеславъ Тройденевичъ и Юрій II—одно и то же лице, а въ 1858 году въ ко-

¹⁾ Критико-историческая повѣсть, М., 1845, стр. XXI.

²⁾ Не упомываю на „Исторію юго-западной Руси отъ ея начала до половини XIV вѣка“, М., 1849 г., А. Клевганова, такъ какъ она представляетъ лишь пересказъ лѣтописи.

дексъ Бартошевнча была напечатана грамота, документально подтверждающая это тожество; тѣмъ не менѣе и въ „Очеркъ литовскаго княжества“ В. В. Антоповича (1878 года) и даже въ „Очеркъ Волынской земли“ г. Андриашева (1887 года, то-есть, четыре года спустя послѣ статьи Ржежабка) личность Юрія II продолжала раздвигаться.

Въ 1860 году Авг. Тейнеръ издалъ въ Римѣ первый томъ *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae* (1217—1409 гг.). Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для церковно-религіозной и отчасти даже политической жизни Галича и Волыни, а также и другихъ сосѣднихъ областей. Прошло 30 лѣтъ, но мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ ни одного труда въ нашей ученой литературѣ, который бы сколько нибудь постарался исчерпать этотъ источникъ ¹⁾. То же можно сказать и о львовскомъ изданіи Автовъ земскихъ и городскихъ (9-й томъ, которымъ закончились документы, вышелъ въ 1883 году). Наконецъ, сказали мы, новые выводы, если и воспринимались нашей наукой, то какъ-то туго, въ ней какъ будто обнаруживается боязнь этихъ выводовъ, желаніе примирить ихъ со старыми историческими представленіями. Ярче всего это обнаружилось въ нашей наукѣ въ томъ вліяніи, какое оказало на нее изслѣдованіе Ржежабка. Между нашими учеными не нашлось ни одного, кто бы захотѣлъ присвоить нашей наукѣ это блестящее изслѣдованіе посредствомъ перевода на русскій языкъ, какъ это сдѣлалъ Бодянский съ трудомъ Зубрицкаго. Трудъ Ржежабка не былъ переведенъ, но онъ вызвалъ двѣ критическія обработки. Правда, одна изъ нихъ, г. Линиченка, такъ и не появилась въ свѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, она послужила пособіемъ для другой критической обработки изслѣдованія Ржежабка, сдѣланной г. Лонгиновымъ, которому была сообщена въ корректурѣ. Главнѣйшее, чѣмъ г. Лонгиновъ находитъ нужнымъ восполнить изслѣдованіе Ржежабка о Юріѣ II, заключается въ предположеніи о постепенномъ расширеніи его власти въ Галицко-Владимірской землѣ. Мотивировка этого восполненія такъ интересна, что мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшую выписку. „Призваніе Болеслава Тройденовича

¹⁾ Въ нѣмецкой литературѣ такой трудъ есть: *Reifenkugel*, Die Gründung der römisch-katholischen Bistümer in den Territorien Halicz und Wladimir, *Arch. f. österr. Gesch.*, 1875, v. 52. Статья такого безспорнаго знатока западно-русской исторіи, какъ *Е. Стадниціи* (O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łacińskiego obrządku na Rusi Halickiej i Wołyniu, Львовъ, 1882 г.), доказываетъ, что и онъ оказался не способнымъ усвоить новые научные выводы.

русскими на княженіе, — говорятъ г. Лонгиновъ, — могло послѣдовать около 1324 года, при томъ только въ одной Владиміро-Волинской области, тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію Кромера и Длугоша, при первоначальномъ занятіи Руси самъ Любартъ принужденъ былъ считаться съ природными русскими князьями; — что, когда Болеславъ хотѣлъ вступить во Львовъ, то дружина умершаго князя заперла передъ нимъ городскія ворота и согласилась признать его русскимъ княземъ лишь съ условіемъ, чтобы онъ подчинился народной волѣ (Зиморовичъ), и что единовременное провозглашеніе его княземъ во всѣхъ обширныхъ малорусскихъ областяхъ по естественнымъ причинамъ было немислимо. Во Львовѣ мы встрѣчаемъ Болеслава Тройденевича не ранѣе 1334 года. Не задолго до того онъ и былъ провозглашенъ княземъ галицко-владимірскимъ, при дѣятельномъ, конечно, участіи своего покровителя Владислава Локотка. Словомъ, онъ сдѣлался, по моему мнѣнію, княземъ всей Малой Руси именно около того времени, когда, по убѣжденію Шараневича, Зубрицкаго и многихъ другихъ, онъ былъ первоначально призванъ на русское княженіе послѣ мнимой смерти Юрія II¹⁾.

Не явная ли это боязнь принять новый вполне ясный научный выводъ? Г. Лонгинову хотѣлось бы поставить дѣло такъ, чтобы оно согласовалось съ показаніями и Длугоша, и Кромера, и даже Зиморовича, и чтобы оно было „мыслимо“ согласно старымъ представленіямъ Зубрицкаго и Шараневича. Очень ужъ это трудная и неблагодарная задача!

Я привелъ эти примѣры съ цѣлью показать, въ какомъ состояніи находится у насъ въ настоящее время общая постановка и разработка вопросовъ галицкой исторіи. Желалъ я это показать по слѣдующей причинѣ. Въ прошломъ году я принялъ посильное участіе въ этой работѣ и, понятно, заинтересованъ ея ходомъ; желалъ бы и впредь содѣйствовать ей по мѣрѣ моихъ средствъ. Въ своей книгѣ „Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“ я старался представить опытъ систематической обработки русско-польскихъ отношеній въ XIV вѣкѣ. Сколько нибудь полного изложенія затронутого мною періода не было, не могло быть, слѣдовательно, въ наукѣ надлежащаго понятія о его характерѣ и значеніи, а между тѣмъ никто не станетъ отрицать громадной важности въ установкѣ русско-польскихъ отношеній именно періода борьбы за Галичъ, пред-

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Др., 1887, II, стр. 11.

ставляющаго отдѣльный, вполне замкнутый историческій эпизодъ, оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія взаимоотношенія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Въ какой мѣрѣ моя работа содѣйствовала установленію правильнаго взгляда на этотъ періодъ—судить не мнѣ. Известные мнѣ отзывы о моей книгѣ весьма разошлись въ своихъ окончательныхъ приговорахъ. По однимъ, мои критическіе приемы не правильны, выводы не вѣрны, книга тенденціозна ¹⁾; по другимъ—результаты моей работы „крайне незначительны и не соотвѣтствуютъ потраченному на нее труду; я не оправдалъ возложенныхъ на меня надеждъ“ ²⁾. Наконецъ, по мнѣнію третьихъ, я сдѣлалъ „значительный и важный шагъ впередъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ“ ³⁾.

Характеръ этихъ приговоровъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что исторія Галицкой Руси и, въ частности, затронутого мною періода, еще долгое время будутъ служить богатымъ матеріаломъ для научной разработки, что еще не скоро научная пылкость успокоится на выводахъ сколько нибудь твердыхъ. Выводы эти, конечно, не придутъ сами, ихъ надо донскиваться, не смущаясь трудностями и даже неудачами, памятуя правило: „кто три или даже тринадцать разъ не ошибется, тотъ не найдетъ истины“. Настоящая замѣтка и имѣетъ въ виду содѣйствовать въ поискахъ этой истины. Вотъ почему я воспользуюсь какъ замѣчаніями гг. Чучинскаго и Лисевича, такъ и замѣчаніями г. Линниченка, не столько для полемическихъ цѣлей, сколько для разъясненія спорныхъ вопросовъ галицкой исторіи XIV вѣка.

Но прежде всего считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Чучинскаго о „тенденціозности“, конечно, не въ оправданіе себя, а для разъясненія смысла этого термина въ польскомъ отзывѣ о русской книгѣ, имѣющей отношеніе къ нѣкоторымъ не безынтереснымъ для поляковъ вопросамъ. Всѣмъ, конечно,

¹⁾ *Kwartalnik Histor.*, 1891 г., I.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1891, май. Это пока только аподиктическое мнѣніе г. Линниченка. Подробный разборъ моего сочиненія онъ обѣщаетъ сдѣлать въ другое время. Тогда мы и побесѣдуемъ о предметѣ, занимающемъ насъ. Теперь я могу выразить свою радость по поводу того, что такой строгій цѣнитель, какъ г. Линниченко, признаетъ за моей работой хоть малую долю значенія, но, признаюсь, крайне удивляюсь, на какомъ основаніи г. Линниченко возлагалъ на меня какія-то особенныя надежды.

³⁾ *S. Lisiewicz, Przewodn. nauk. i liter.*, 1891 г., I и II.

знакомо прекрасное изслѣдованіе Н. П. Барсова „Очерки русской исторической географіи“. Оно обратило на себя вниманіе не только всего русскаго ученаго міра, но и международнаго географическаго конгресса въ Парижѣ (въ 1875 г.), и выдержало у насъ два изданія. И вотъ объ этомъ изслѣдованіи солидный польскій журналъ *Ateneum* помѣстилъ, между прочимъ, такой отзывъ: „слишкомъ извѣстно, что литература и псевдоученія изслѣдованія въ извѣстныхъ случаяхъ отдаются на службу практическимъ цѣлямъ политики. Минувя современные тому примѣры, ограничимся указаніемъ на ученыхъ пруссаковъ, которые по желанію Фридриха II издали сводъ бранденбургскихъ правъ на польское Поморье, подтвердивши ихъ подлинными и поддѣльными документами. Прусскій захватъ основанъ былъ, однако, не на этихъ документахъ, а на томъ, что Фридрихъ называлъ *ultima ratio regum*, то-есть, на силѣ. Проводя аналогію, трудно допустить, чтобы признаніе владѣнія древнихъ владимірскихъ князей по лѣвую сторону Буга основано было на спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, особенно такихъ, которыя изданы въ 1873 г.“ и пр. Очевидно, что по нѣкоторымъ вопросамъ поляки не желали бы серьезно считаться съ русскою наукой. Отзывъ Чучинскаго представляеть, собственно говоря, лишь вариацию отзыва *Ateneum*'а: „Въ заключеніе,—говоритъ г. Чучинскій,—мы желали бы вкратцѣ характеризовать тотъ родъ книгъ, къ которымъ принадлежитъ работа г. Филевича. Какъ разъ недавно Московскій университетъ объявилъ конкурсъ на составленіе учебника русской исторіи съ условіемъ, чтобы въ конкурсной работѣ „было доказано на основаніи историческихъ фактовъ, что сѣверо-западный край никогда не имѣлъ ничего общаго съ Польшей и ея католическимъ господствомъ“. Кто возьметъ въ руки трудъ г. Филевича, не усумнится ни на минуту, что найдутся „объективные“ ученые, которые волюнѣ удовлетворять требованіямъ конкурса“. Ну, какъ же не вариация?!

Перехожу къ разсмотрѣнію спорныхъ вопросовъ. Начну со времени Юрія II. Въ изложеніи времени его княженія я волюнѣ принялъ главнѣйшій выводъ Ржежабка, но не согласенъ съ нимъ въ пониманіи политическихъ и отчасти церковныхъ отношеній Галицко-Владимірской земли. Остановлюсь теперь на попросѣ объ отношеніяхъ Юрія къ Любарту, или, точнѣе, на вопросѣ о правахъ Любарта на Волынскую землю. Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія извѣстіе такъ называемой Литовской лѣтописи о переходѣ Волынской земли къ Любарту посредствомъ брака его съ дочерью по-

слѣднаго владимірскаго князя. Извѣстіе это считается тенденціознымъ; до сихъ поръ, однако, остается неяснымъ, въ чемъ заключается его тенденціозность. Такъ какъ бракъ Любарта съ дочерью послѣдняго волынскаго Романовича не отвергается, то сомнѣнія могутъ относиться лишь ко времени, когда онъ былъ заключенъ, и къ условіямъ, какими сопровождался. Кажется, обстоятельства эти могутъ быть въ значительной степени уяснены, если принять во вниманіе политическія отношенія Галицко-Владимірскаго княжества и не игнорировать другихъ аналогій и фактовъ, какіе сюда подходятъ и относятся.

Въ 1325 г. заключенъ былъ союзъ между Локеткомъ и Гедиминомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, именно около этого времени послѣдовало утверженіе Юрія II на галицко-владимірскомъ столѣ, на что отчасти указываетъ и первая его грамота. Предполагать, что власть Юрія распространялась постепенно (Лонгиновъ), или что сепаратическія стремленія разныхъ областей могли развиваться въ такой степени, что Юрію пришлось чуть не завоевывать отдѣльныя области (Линниченко),—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній: для такихъ предположеній нѣтъ данныхъ, и въ то же время мы положительно знаемъ, что Галицкая земля до 1322 г. была объединена подъ властью Льва, а послѣ него она объединялась властью татарскихъ намістниковъ ¹⁾. Если въ 1325 г. прекращаются папскіе призывы къ крестовому походу на помощь Локетку противъ невѣрныхъ, если въ этомъ же году происходитъ союзъ Локетка и Гедимины, если, наконецъ, по сообщенію Витодурана, утверженіе Юрія не обошлось безъ согласія хана, то, очевидно, дипломатическіе переговоры уладились для не только польско-литовско-русскія, но и татарскія. Извѣстіе Витодурана о послѣдовательномъ отравленіи двухъ татарскихъ намістниковъ врядъ ли въ виду этого можетъ быть принимаемо серьезно, ибо такая продѣлка не обошлась бы галичанамъ даромъ. Съ татарами шутки плохи. Всего вѣроятнѣе, это одинъ изъ тѣхъ ненадежныхъ слуховъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Витодуранъ. Можно думать, что утверженіе Юрія II въ Галичѣ произошло со-

¹⁾ Вопросъ о кандидатурѣ Генриха Глоговскаго не ясенъ. Очень можетъ быть, что инициатива этой кандидатуры принадлежала Владиславу Локетку, который хотѣлъ такимъ образомъ устранить претензіи слезскихъ князей на великую Польшу (*Каро, II, 226*); еще, пожалуй, вѣроятнѣе, что приглашеніе Генриха было дѣломъ нѣмецкихъ поселенцевъ во Львовѣ. Подобные прецеденты бывали въ исторіи соседней Малой Польши. Галицкіе бояре врядъ ли имѣли здѣсь вліяніе.

вершено мирно, путемъ сѣны ханскаго намѣстника, правившаго въ Галичѣ съ 1322 до конца 1324 г. Такому представленію хода дѣлъ противорѣчить, повидимому, одно обстоятельство—союзъ Юрія съ орденомъ. Если результатомъ дипломатическихъ сношеній Литвы и Польши, отчасти Угріи ¹⁾ было установленіе политическаго союза и улаженіе дѣлъ галицко-татарскихъ, то-есть, посаженіе Юрія на княжескомъ столѣ, то нельзя же допустить, чтобы новый ставленникъ могъ дѣйствовать прямо противъ этого союза. Но дѣло въ томъ, что грамота Юрія 1325 г. вовсе не заключаетъ въ себѣ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ ордену. Она представляетъ лишь извѣщеніе рыцарей о вступленіи на княжескій престолъ („Борьба Польши и Литвы—Русь“, 43), а потому и не можетъ служить аргументомъ противъ указаннаго выше объясненія политическихъ отношеній, сложившихся въ 1325 г. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ грамота 1327 г., представляющая повтореніе грамоты князей Андрея и Льва 1316 г. ²⁾

Быть можетъ, дѣйствительно Юрій задумывалъ освободиться отъ литовской опеки и съ этой цѣлью обратился одновременно къ ордену и въ Римъ. Но тутъ-то и обнаружилась крѣпость указаннаго выше политическаго союза: галицкій князь оказался безсильнымъ измѣнить политическія отношенія, въ какія былъ поставленъ, и очень вѣроятно, что его попытка повела лишь къ большому закрѣпленію этого союза въ 1331 г., опредѣлившему окончательно галицко-владимірскія дѣла. Въ этомъ году, по показанію Длугоша, косвенно подтверждаемому Витодураномъ и Анонимомъ Леобенскимъ, былъ заключенъ бракъ Юрія съ дочерью Гедимина. Ничто не мѣшаетъ принять предположеніе Ржежабка, что въ этомъ же году Любарть женился на дочери послѣдняго владимірскаго Романовича. Если допустить, что Любарть по лѣтамъ могъ бы жениться при жизни Ан-

¹⁾ *Tres reges erant hostes ordinis: Lokut, rex Poloniae, Gedymin, Lithwaniae rapinus et rex Ungariae, Wisandz, SS. rr. prus, II, 471.*

²⁾ Вообще не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ грамотъ. Онѣ—единственные памятники, и потому естественно на нихъ сосредоточено вниманіе. Грамоты эти были обусловлены прежде всего торговыми интересами ордена, доставлявшими извѣстныя выгоды в Русь, отчасти, можетъ быть, не извѣстными намъ родственными отношеніями князей къ Зиггарду Шварцбургу. Иллишнее довѣріе къ этимъ грамотамъ можетъ вести къ невѣрнымъ выводамъ. Такъ Ржежабекъ на основаніи ихъ представилъ невѣрно отношенія Галича къ татарамъ, ср. *Борьба*, 50 слл.—О родствѣ Гунтера Шварцбурга съ Сомовитомъ Добринскимъ см. *Фойхтз*, *Cod. d. pr.*, II, № 53, ср. его же, *G. Pr.*, IV, 200.

дрей, то можно съ увѣренностью полагать, что заключенію брака мѣшала возрастъ невѣсты, дочери Андрея, ибо въ противномъ случаѣ бракъ Любарта тогда же, то-есть, около 1325 г., былъ бы самымъ простымъ улаженіемъ галицко-волинскихъ дѣлъ; къ нему не прибѣгли только въ виду непреодолимаго препятствія, то-есть, возраста заранѣе намѣченной пары, по крайней мѣрѣ, невѣсты. Такимъ образомъ показаніе такъ называемой Литовской лѣтописи ¹⁾ дѣйствительно нѣсколько тенденціозно, если усвоить ему такой смыслъ, что Любарта принялъ къ себѣ въ зятя послѣдній владимірскій Романовичъ Андрей. Но это извѣстіе—*mutatis mutandis*, то-есть, о дочери и о самостоятельной инициативѣ владимірскаго князя,—окажется совершенно вѣрнымъ, если перенести его на время послѣдняго самостоятельнаго владимірскаго князя Юрія II. Мало того, извѣстіе это является весьма важнымъ доказательствомъ справедливости мысли о правахъ Любарта не только на Волинскую, но и на Галицкую землю („Борьба“, 47).

Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе опредѣленіе территоріи владѣній Любарта: „а Любарта принялъ володимерскій князь къ дотце во Володимеръ и въ Лудескъ и во всю землю Волинскую“. Это послѣднее прибавленіе весьма характерно: для опредѣленія территоріи будущихъ владѣній Любарта лѣтописцу показалось мало Владиміра и Луцка. Смыслъ прибавленія мы поймемъ надлежащимъ образомъ тогда, когда сопоставимъ его, напримѣръ, съ мѣстомъ во льнцкой лѣтописи: „Талебуга же посла ко Задѣврѣйскимъ княземъ и ко Волинскимъ: ко Львови и Мстиславу и къ Володимѣру“ (Ил.-588), или съ перечнемъ волинскихъ городовъ Воскресельской лѣтописи (VII, 240), гдѣ въ числѣ волинскихъ городовъ названы Львовъ великій, Перемишль, Галичъ, Самборъ. Также точно и извѣстное мѣсто въ житіи митрополита Петра о „Волинской землѣ, преимущей всякимъ обилствомъ и славой“, не можетъ быть относительно только къ Волинской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, ибо митрополитъ Петръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ уроженецъ Жолховскаго округа ²⁾. Сказаннымъ въ значительной степени объясняются запутанныя га-

¹⁾ Было бы желательно имѣсти изъ употребленія этотъ неточный терминъ. Литовскія лѣтописи намъ не извѣстны, есть западно-русскія: двѣ Супрасельскія (Оболескаго и Даниловича, или, точнѣе, Одинцевича) и Слуцкая (Уварова-Попова)

²⁾ О галицко-русскихъ митрополитахъ, Гал. ист. сб., ч. III, пр. 6. — Такое употребленіе названія „Волинская земля“ слѣдуетъ, между прочимъ, имѣть въ виду при объясненіи военныхъ событій 1349 г.

лицко-волинскія отношенія 20-хъ годовъ XIV вѣка. Ихъ нельзя разсматривать отдѣльно отъ тѣхъ знаменательныхъ политическихъ комбинацій, какими запечатлѣны польско-литовскія отношенія при Гедиминѣ и Локетѣ. По отношенію къ Польшѣ и Литвѣ эти комбинаціи вполне соотвѣтствуютъ величію представителей обѣихъ державъ, по отношенію къ галицко-волинской Руси онѣ представляютъ неизбежное заключеніе естественнаго хода литовско-русскихъ отношеній. Предполагать возможность какихъ нибудь дѣйствій со стороны владимірскаго Андрея въ пользу мазовскаго князя, какъ это дѣлаетъ г. Линниченко, значить вводить не только ни на чемъ не основанное предположеніе, но и игнорировать прамыя данныя. Андрей умеръ не отъ старости, — война съ Гедиминомъ застигла его на шестомъ году княженія. Онъ оставилъ малолѣтнюю дочь, о другихъ дѣтяхъ его ничего не знаемъ. Можно думать, что и женатъ онъ былъ не особенно давно. При такихъ обстоятельствахъ очень трудно допустить заблаговременныя распоряженія на случай смерти. Какимъ образомъ всѣ эти данныя ускользнули отъ вниманія г. Линниченка ¹⁾? Это одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ, въ какой степени туго воспринимаются нашею наукой новые научные выводы, въ какой степени нѣкоторые наши изслѣдователи склонны суживать горизонтъ своихъ научныхъ наблюденій вмѣсто того, чтобы расширять его. Успѣшному ходу науки это ни въ какомъ отношеніи не можетъ содѣйствовать. Къ указаннымъ соображеніямъ о подожженіи Любарта прибавлю еще одно замѣчаніе. Извѣстна фундушевая записка Любарта, „князя лудскаго и володимерскаго“, данная въ

¹⁾ „Извѣстіе литовской лѣтописи о передачѣ послѣднимъ волинскимъ княземъ волинскаго княженія Любарту, женатому на его дочери, отличается,—говоритъ г. Линниченко,—извѣстнаго рода тенденціозностью, хотя бракъ Любарта на дочери Андрея могъ явиться результатомъ перемирія Литвы съ Волынью послѣ военныхъ столкновеній обохъ государствъ. Характеръ политики того времени заставляетъ предполагать, что если не имѣвшій мужскихъ потомковъ Андрей и дѣлалъ какія либо распоряженія на случай своей смерти, то скорѣе въ пользу племянника, сына незначительнаго мазовецкаго князя, чѣмъ въ пользу Любарта, сына могущественнаго Гедимина“, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май, 152.—Мнѣніе о тенденціозности извѣстія высказано, если не ошибаюсь, впервые *Н. П. Дашкевичемъ*, *Замѣтки*, 46, пр. 2, тоже довольно неопредѣленно: „мы считаемъ это извѣстіе тенденціознымъ, если только усвоить ему тотъ смыслъ, какой придаютъ ему“. — *Г. Линниченко* повторяетъ мнѣніе о тенденціозности, комментируя его предположеніемъ совершенно произвольнымъ и рѣшительно противорѣчающимъ не только всѣмъ вѣроятіямъ, но и прамымъ даннымъ.

Луцкѣ 8-го декабря 1322 г. соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ на села Рожище, Теремное, Вуцу, Мезочъ и проч. ¹⁾). Дата грамоты допускаетъ возможность предположить, что послѣ смерти Андрея на владимірскомъ столѣ временно возсѣлъ Любарть, или, вѣрнѣе, былъ посаженъ своимъ отцомъ. Обстоятельство это не только не заключаетъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго, но, напротивъ, объясняетъ вполне удовлетворительно судьбу владимірскаго княжескаго стола послѣ смерти Андрея. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній считать вмѣстѣ съ Н. П. Дашкевичемъ указанную грамоту подложной. Она была подтверждена княземъ Александромъ, и сама по себѣ не заключаетъ ничего подозрительнаго. Господство Гедимина въ западно-русскихъ земляхъ, подготовленное предшествовавшими ходами русско-литовскихъ отношеній, утверждалось быстро и рѣшительно. Безъ всякаго сомнѣнія, и въ Галичѣ не утвердились бы татарскіе намѣстники, еслибы серьезныя обстоятельства не отозвали Гедимина въ другую сторону. Остановка въ могучемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне естественномъ ростѣ Литовско-Русскаго государства была, какъ извѣстно, очень не продолжительна, и въ 1325 году вопросъ былъ улаженъ: Галицко-Волинская земля перешла къ Юрію II, какъ наиболее подходящему, по обстоятельствамъ, блистателю Любартова наслѣдія. Косвенное подтвержденіе этого можно видѣть въ указываемой г. Лонгиновымъ грамотѣ, данной Кейстутомъ и Любартомъ торунскимъ купцамъ на проѣздъ черезъ Врестъ, Дрогичинъ и Менъчинъ до Луцка. Въ этой грамотѣ Любарть называетъ себя просто княземъ. Очевидно, это грамота болѣе поздняя, чѣмъ грамота 1322 г.; относится она ко времени, когда вопросъ галицко-волинскій былъ улаженъ временно или окончательно, то-есть, послѣ ли 1325, или послѣ 1331 г., этого нельзя сказать, и Любарть состоялъ намѣченнымъ или признаннымъ преемникомъ Юрія II, то-есть, находился въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и Ольгердъ въ Витебскѣ съ 1318 по 1320 г., въ промежутокъ времени между женитьбой на витебской княжнѣ и смертью послѣдняго витебскаго князя. При жизни Юрія Любарть жилъ во владѣніяхъ Кейстута, въ Подляшѣ, пунктъ, дѣйствительно наиболее для него подходящемъ. Такъ слѣдуетъ думать на основаніи только что указанной грамоты. Послѣ смерти Юрія Любарть долженъ былъ вступить въ права наслѣдства всей Галицко-Волинской земли;

¹⁾ Арх. в.-в. Р., ч. I, т. 6, № 1.

„овладовать“ Волинью, какъ думаетъ г. Линниченко, Любарту не было никакой надобности, потому что это владѣніе составляло его законное право, къ мысли объ этомъ давно должно было привыкнуть и населеніе и, между прочимъ, боярство, представители котораго мы дѣйствительно увидимъ потомъ на сторонѣ Любарта. Только потому, что это законное право Любарта не могло быть, по обстоятельствамъ, осуществлено въ полномъ объемѣ, онъ и добивался его осуществленія всю свою жизнь. Это не „агрессивныя“ стремленія, а совершенно законное желаніе получить свое. Еще одинъ вопросъ, связанный съ личностью Юрія II,—вопросъ о его первоначальномъ вѣроисповѣданіи. Ржезубекъ предполагаетъ двукратную переимѣну Юріемъ вѣроисповѣданія: для полученія русскаго княжескаго стола онъ изъ католицизма перешелъ въ православіе, а потомъ въ 1327 г. вернулся опять къ прежней религіи ¹⁾. Свои разсужденія Ржезубекъ мотивируетъ до такой степени ясно и опредѣленно ²⁾, что, казалось бы, здѣсь и не можетъ быть вопроса, но г. Линниченко кажутся „довольно вѣроятными“ предположенія г. Лонгинова, что Юрій „восалъ православіе съ молокомъ матери, православной русской княжны“, выразался точнѣе, что онъ былъ воспитанъ въ православіи съ дѣтства. „Въ доказательство тому онъ (то-есть, г. Лонгиновъ),—говоритъ г. Линниченко,—приводитъ много фактовъ, свидѣтельствующихъ о распространеніи православія при дворѣ мазовецкихъ князей еще въ XIV вѣкѣ“.

Вопросъ, конечно, интересный и важный, а потому мы приведемъ выписку изъ статьи г. Лонгинова. Вотъ какъ мотивируетъ онъ свои предположенія. „Православіе было сильно распространено при дворѣ мазовецкихъ князей еще въ XIV в. Такъ, въ актахъ 1339 г. упоминается настоятель приходской церкви св. Георгія въ Варшавѣ, гдѣ проживалъ тогда Казиміръ Мазовецкій. Въ писемѣ папы Гонорія III отъ 1221 г. на имя острагонскаго архіепископа аббатство Вышегородское названо мѣстомъ *Clorigium monachorum ab antiquo ibidem existentium*. Вышегородъ здѣсь разумѣется, вѣро-
ятно, тотъ самый, который далъ Даниилу Романовичу Болеславъ, сынъ Конрада Мазовецкаго, когда (1240 г.) Даниилъ пришелъ въ Мазовію. Православныхъ церквей не мало насчитывалось въ XIV

¹⁾ Почему г. Линниченко приписываетъ Ржезубу извѣстіе о „двукратной переимѣнѣ Юріемъ религіи (католицизмъ, православіе, католицизмъ)“, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май, 155, — достигнуть трудно.

²⁾ *Часовникъ*, 1883, I, стр. 131—134.

вѣкъ и въ глубинѣ Польши. Нарушевичъ (луцкій епископъ), дорожа историческою правдой, повѣствуетъ, что въ 1292 г. епископомъ краковскимъ состоялъ Прокопій, герба Корганъ, изъ русиновъ. Его называли владыкой. Въ Краковѣ до XV в. богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Лешекъ Казиміровичъ былъ похороненъ въ краковской церкви св. Троицы. Послы папскіе предлагали Данилу Романовичу короноваться въ Краковѣ. Въ Сандомірѣ была православная церковь, сожженная татарами, гдѣ въ 1211 г. погребена Аделаида, дочь Казимира Справедливаго, и Елена, дочь князя Всеволода Мстиславича Белзскаго. Въ Краковской области извѣстны шесть древле-православныхъ церквей во имя св. Климента, часть мощей котораго была взята св. Владиміромъ изъ Херсонеса. Церковь честнаго креста на Лысой горѣ, основанная Болеславомъ Храбрымъ, „per Wladislaum secundum, Poloniae regem (Ягайло), pictura graeca exoptata. *Итакъ Георгій Тройденевичъ*,—заключаетъ г. Лонгиновъ,—*крестилъ свою невесту скорѣе по православному обряду*¹⁾. Легко замѣтить, что изъ десяти аргументовъ²⁾ въ пользу сильнаго распространенія православія при дворѣ мазовскихъ князей въ XIV в. восемь аргументовъ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, ибо факты, въ нихъ указываемые, далеки отъ мазовскаго двора. Нѣкоторые изъ этихъ аргументовъ очень характерны, къ сожалѣнію, только вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ г. Лонгиновъ. Изъ остающихся двухъ аргументовъ замѣчаніе о Вышеградѣ тоже совсѣмъ не относится къ дѣлу³⁾. Изъ „многихъ фактовъ“ остается такимъ образомъ одинъ: указаніе на приходскую церковь св. Георгія въ Варшавѣ. Хоть бы этотъ единственный фактъ былъ вѣренъ. И то нѣтъ!⁴⁾.

1) *Цитат.*, 1887, II, 13—14.

2) Замѣчу кстати, что самъ г. Диниченко считаетъ церковь въ Сандомірѣ латинскою, „Взвѣнн. отношенія“, 6, пр. 2.

3) См. *Röpell*, G. P., 11 Beilage. Zur Bestimmung der Lage von Wyszogrod.

4) У Балнискаго и Диничскаго, *Staroz.*, P., изд. 1843, 1, 411, на что и ссылается г. Лонгиновъ, сказано слѣдующее: „Wzrod wałów z jednej strony stał drewniany zamek Książęcy, a za niemi z drugiej poziomu i dawniejszy jeszcze od pięknych kościołek św. Jerzego. . . . W sławnym procesie z krzyżakami r. 1339 wymieniony już jest proboszu parafii św. Jerzego, Anna księżna Mazow, i syn jej Bolesław powiekszyli kościół i uroczyli sprowadzonych doń kauoników regularnych“ Вотъ и все. И это аргументъ въ пользу православія! Къ аргументамъ г. Лонгинова г. Диниченко прибавляетъ отъ себя слѣдующіе: „если и позже въ XVI в. русскія княжны, выходя замужъ въ Польшу, оставались прѣ-

Если претендующій на серьезность изслѣдователь при рѣшеніи важнаго вопроса считаетъ возможнымъ опереться на такой аргумен-таціи, то остается только руками развести!

Мнѣнія о первоначальной принадлежности Юрія II къ католическому вѣроисповѣданію ни г. Лонгиновъ, ни г. Линниченко не только не опровергли, но даже не поколебали. Что въ предѣлахъ Мазовскаго княжества русскій элементъ былъ силенъ,—это врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію; за сто пятьдесятъ верстъ отъ Варшавы къ востоку начинаются и теперь сплошныя русскія поселенія, а о повдѣйшей колонизаціи русскаго племени въ эту сторону ничего не извѣстно. Но также несомнѣнно, что мазовскій княжескій домъ, подобно другимъ княжескимъ домамъ Польши, былъ преданъ католицизму и находился подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Можно даже думать, что именно этимъ вліяніемъ и связями Юрія съ мазовскимъ княжескимъ домомъ главнымъ образомъ и былъ обусловленъ обратный переходъ Юрія II въ католицизмъ.

Такое предположеніе гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ допущеніе вліянія Ловетка. Ловетокъ былъ дальновидный политикъ и не фанатикъ, и если Ржежабекъ дѣйствительно приписываетъ ему важную роль въ дѣлѣ обратнаго перехода Юрія въ католицизмъ, то это происходитъ отъ невѣрнаго пониманія имъ политическихъ отношеній Галицко-Владимірскаго княжества во второй четверти XIV вѣка. Ржежабекъ

вославиими (Елена, дочь Іоанна III, жена короля Александра), то тѣмъ болѣе могли жить въ родной вѣрѣ раньше (подробнѣе въ нашемъ изслѣдованіи „Взвѣнныя отношенія Руси и Польши“, стр. 42—44). Возможно, что нѣкоторые изъ дѣтей отъ такихъ смѣшанныхъ по вѣрѣ браковъ крестились въ вѣру матери. Болеславъ, поидиному, былъ младшимъ изъ дѣтей Тройдена и могъ при крещеніи еще принять имя дѣда — Юрій. Дочь Тройдена и Марія носила имя Евменія, въ Польшѣ того времени малоупотребительное“, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май, 155. Примѣръ Елены единственный и исключительный. Сколько огорченій причинило Еленѣ ея православіе,—извѣстно; чтобы устоять, нужно было быть дочерью Ивана III. Указанное въ ссылкѣ на „Взвѣнныя отношенія“ мѣсто оканчивается такимъ выводомъ: „скоро противъ смѣшанныхъ браковъ стали подниматься голоса изъ среды духовенства какъ у насъ, на Русѣ, такъ и въ Польшѣ, а потому нужно думать, что со второй половины XII вѣка вероимѣна религіи при выгодѣ замужъ стала уже фактомъ обычнымъ“. Очевидно, г. Линниченко сослался на свою книгу, совершенно забывъ, что въ ней сказано. Наконецъ, врядъ ли Болеславъ былъ младшимъ сыномъ Тройдена. Генеалогія мазовскихъ князей, правда, запутана, но и *Каро* (G. P., II, 289) и *Бжлгескій* (M. P. H., III, 120, пр. 2) считаютъ его старшимъ, что гораздо вѣроятнѣе. Дано ли было Болеславу при крещеніи имя—Юрій, конечно, неизвѣстно.

приписываетъ этому князю слишкомъ самостоятельную роль, какой на самомъ дѣлѣ оно не могло играть. То обстоятельство, что Локетокъ дѣйствительно является посредникомъ между папой и Юріемъ, гораздо правдоподобнѣе объясняется тѣмъ, что въ Римѣ хорошо знали тогдашнія польско-литовскія отношенія, благодаря начавшимся съ 1323 года переговорамъ Гедимина съ куріей. Измѣна Юрія православію должна быть рассматриваема въ кругѣ этихъ фактовъ. Они содѣйствовали столь скорому обнаруженію внутренняго расположенія Юрія къ католицизму, какое онъ долженъ былъ вынести изъ своей мазовской обстановки, и въ значительной степени маскировали его дѣйствительные планы.

Что касается, наконецъ, вопроса о времени прибытія Юрія на Русь, то врядъ ли можно сомнѣваться, что оно произошло лишь по назначеніи его княземъ галицко-владимірскимъ. Предположеніе Ржежабля, что Юрій II былъ воспитанъ при дворѣ своего дяди Юрія I, основывается лишь на томъ, что послѣдній въ грамотѣ 1325 года названъ *carissimus*. Нечего, кажется, и говорить, что это основаніе слишкомъ шатко. У Юрія I были прямыя наследники, и нѣкимъ образомъ нельзя было тогда предвидѣть возможности вокняженія Юрія II на Руси. Г. Линниченко предполагаетъ, что „назначеніе кормильца князю доказываетъ, что онъ прибылъ на Русь далеко еще не совершеннолѣтнимъ“, но, очевидно, самъ г. Линниченко очень мало вѣрится такому предположенію, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы считать Юрія „княземъ чужимъ, незнакомымъ съ русскими обычаями“, и наконецъ, если ужъ искать доказательствъ первоначальнаго православія Юрія II, то ихъ прежде всего слѣдовало бы усматривать именно въ воспитаніи его при русскомъ княжескомъ дворѣ, чего, однако, г. Линниченко не дѣлаетъ, предпочитая вѣстѣ съ г. Лонгиновымъ искать этихъ доказательствъ вездѣ, гдѣ угодно, но только не въ указанномъ обстоятельстве.

Перехожу теперь къ фактамъ, послѣдовавшимъ за смертью Юрія II. Разсмотрѣнію этихъ фактовъ и посвящена моя книга. Въ результатѣ этого разсматриванія оказалось, что все время съ 1340 по 1387 годъ представляетъ непрерывную борьбу лишь съ короткими промежутками затишья, необходимыми для отдыха и сбора новыхъ силъ или пріобрѣтенія выгодныхъ союзниковъ для дальнѣйшей борьбы. Всего ярче такое положеніе дѣлъ обнаруживается въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти не прекращающихся и въ сферѣ церковно-религіозной. На эти двѣ стороны я и обратилъ преимущественное

вниманіе. Изложеніе внутренняго строя могло, по самой задачѣ книги, найдти въ ней мѣсто лишь по столько, по сколько въ этомъ строѣ отразилось то же самое явленіе—борьба ¹⁾). Вѣренъ ли мой взглядъ, правда ли, что время 1340—1387 года представляетъ опредѣленный, вполне замкнутый въ себѣ періодъ польско-литовско-русскихъ отношеній,—этого вопроса не коснулся ни одинъ изъ моихъ критиковъ. Только г. Лисевичъ, указавъ на то, что вопросъ о галицкомъ наслѣдіи, составляя одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ „польской (?) исторіи, въ настоящее время начинаетъ разъясняться, и что въ разъясненіи его мнѣ будетъ принадлежать не послѣдняя заслуга“, признаетъ мое разсмотрѣніе военныхъ событій значительнымъ шагомъ впередъ. Даннаго мною обзора церковныхъ дѣлъ г. Лисевичъ пока вовсе не касается, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ заняться этими дѣлами подробно. Валяды другихъ критиковъ я указалъ выше. Повторяю, настоящая замѣтка имѣетъ не полемическія цѣли (полемика въ такихъ случаяхъ ни къ чему не приведетъ), а разъясненіе спорныхъ вопросовъ въ затронутой мною области, на основаніи, между прочимъ, и тѣхъ аргументовъ, которые были высказаны критиками. Важно знать, дѣйствительно ли время 1340—1387 года представляетъ періодъ сплошной борьбы между Польшей и Литвой-Русью, дѣйствительно ли вѣрно, что до 1387 года Польша ни разу не могла назвать Галицкую Русь своей землей вполне, или это не вѣрно.

Продолжаю и теперь думать, что вопросъ этотъ имѣетъ немаловажное значеніе въ наукѣ, и что моя книга дастъ на него хоть нѣсколько отвѣты.

„Сразу, начиная съ введенія книги г. Филевича,—говоритъ г. Лисевичъ,—можно замѣтить, что ея выводы кореннымъ образомъ разнятся отъ извѣстныхъ намъ доселѣ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, достаточно ли они обоснованы“. Къ этому вопросу мы теперь и перейдемъ. Самымъ важнымъ въ этомъ случаѣ является отношеніе къ источникамъ. Мое отношеніе къ источникамъ г. Чучинскій называетъ гиперкритическимъ, при чемъ ставитъ мнѣ въ вину непослѣдовательность, заключающуюся въ томъ, что гиперкритикомъ я являюсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о положительномъ

¹⁾ Въ виду этого, замѣчаніе г. Линиченки, что въ моей книгѣ время Владислава Опольскаго совершенно обойдено, считаю не совсемъ справедливымъ. См. Борьба, 204—206 и passim.

вліаніи Польши на Русь, „но пусть только,—говоритъ г. Чучинскій,—покажется гдѣ нибудь хотя бы даже видимость, изъ которой можно выковать аргументъ въ пользу экстерминаціонной политики поляковъ, г. Филевичъ сейчасъ же становится удивительно легковѣрнымъ“. Къ сожалѣнію, въ обѣихъ ссылкахъ г. Чучинскаго, долженствующихъ подтвердить эту мысль, вѣрались, надо думать, опечатки: примѣчаніе 1 къ стр. 94, конечно, не можетъ имѣть сюда никакого отношенія, а на стр. 96 седьмаго примѣчанія не имѣется. Къ свѣдѣнію, слѣдовательно, можетъ быть принято лишь указаніе на отношеніе къ извѣстному письму Казимира къ цареградскому патріарху. По этому поводу могу замѣтить, что я нигдѣ не отвергалъ подлинности и официальнойности этого документа. Я говорю лишь, что „точное согласованіе его показаній съ извѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи русской церкви невозможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казимиромъ перечня галицкихъ митрополитовъ“ (Борьба, 137—143), и пока это точное или хотя бы приблизительное согласованіе будетъ невозможно, письмо Казимира должно имѣть такое же значеніе въ исторической наукѣ, какое, напримѣръ, имѣютъ тоже несомнѣнной подлинности наполеоновскіе бюллетени изъ похода въ Россію.

Иное дѣло—другіе источники, а именно Янъ и Траска, на которыхъ, главнѣйшимъ образомъ, основывалось до сихъ поръ изложеніе событій 1340 года. Повидимому, относительно Траски ни одинъ изъ критиковъ не настаиваетъ на его значеніи. Съ Яномъ дѣло обстоитъ иначе. Г. Лисевичъ совершенно согласенъ со мной во взглядѣ на этотъ источникъ и потому въ своихъ примѣчаніяхъ на мое изложеніе событій 1340 года ограничивается лишь безспорно подлинными документами, то-есть, хорошо извѣстными папскими письмами. Г. Чучинскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе по поводу моихъ разсужденій о Янѣ. „Указавъ всѣ обстоятельства, убѣждающія, что три первыя главы хроники, въ которой рѣчь идетъ о занятіи Руси, не принадлежатъ перу Яна, г. Филевичъ полагаетъ, что въ силу этого нечего съ ними и считаться. А между тѣмъ, если даже и согласиться, что онѣ не принадлежатъ Яну, то все же большая разница утверждать принадлежность или непринадлежность ихъ Яну и доказать ихъ достоверность или недостоверность“. Что и говорить, конечно, разница, но такъ ли она въ дѣйствительности велика въ данномъ случаѣ, какъ думаетъ г. Чучинскій. Яну можно вѣрить, потому что онъ

по своему положенію долженъ былъ знать дѣла, а въ своемъ изложеніи обнаружилъ замѣчательное безпристрастіе. Поэтому, если занимающія насъ главы его хроники дѣйствительно принадлежатъ ему, онѣ представляютъ источникъ, съ которымъ нужно считаться безусловно; если же онѣ ему не принадлежатъ, или, вѣрнѣе, если по нимъ прошла чужая рука, и при томъ такъ, что теперь мы не можемъ отличить, что въ первыхъ трехъ главахъ принадлежитъ дѣйствительно самому Яну, и что составляетъ повдѣйшій наносъ,—тогда наши главы Яна теряютъ свое безусловное значеніе, отступаютъ въ разрядъ источниковъ второстепенныхъ, которые могутъ быть принимаемы лишь по столку, по сколько болѣе или менѣе согласуются съ показаніями документовъ, не внушающихъ никакого сомнѣнія.

Три первыя главы Яна кажутся подозрительными всѣмъ исследователямъ ¹⁾. Одному только г. Линниченку онѣ не внушаютъ никакихъ сомнѣній, но и онъ даже не вполне имъ слѣдуетъ. Такъ, онъ отвергаетъ показаніе Яна о Любартѣ, какъ галицкомъ князѣ, принимаетъ два похода Казимира въ 1340 году, а не одинъ, какъ у Яна ²⁾.

Вотъ тѣ соображенія, какія на мой взглядъ имѣютъ значеніе при оцѣнкѣ источниковъ, относящихся къ 1340 г. Съ 1340 годомъ наука еще не покончила, а потому малѣйшія указанія могутъ быть полезны. Г. Чучинскій оказалъ дѣлу услугу, обративъ вниманіе на совершенно до сихъ поръ неизвѣстныя показанія итальянцевъ ³⁾ и Франциска Пражскаго ⁴⁾. Такъ понемногу расширяется кругъ источниковъ. Г. Лисевичъ провѣрилъ папскій документъ 1341 г. съ подлинникомъ въ

¹⁾ Борьба, 74—78. Къ сказанному тамъ прибавлю еще замѣчаніе *Кубали*: „zład dopiero (то-есть, отъ смерти Казимира) чулъ paocznego świadka, takъ ze kronika zmienia się wъ ramiętniki“, *Bibl. Warsz.*, 1871, III, 359.

²⁾ Какого мнѣнія г. Линниченко на счетъ числа походовъ Казимира въ 1340 г., понять не могу. Отмѣчая мои соображенія объ одномъ только походѣ, а не двухъ, какъ принимаютъ обыкновенно, г. Линниченко дѣлаетъ выписку изъ моей книги и прибавляетъ такое замѣчаніе: „слишкомъ много уже лиризма по поводу вывода, не заключающаго въ своей сущности ничего новаго“. Дѣло, конечно, не въ новизнѣ, а въ вѣрности или невѣрности соображеній объ одномъ походѣ. Въ текстѣ г. Л. принимаетъ два похода. Если тутъ дѣло въ лиризмѣ, то я охотно согласенъ, что „слишкомъ много лиризма“—не хорошо.

³⁾ Gualvani de la Flamma и Joh. de Cornazanis, оба у *Muratorii*, Ss. гг. ital., XII, 1038 и 742. Прибавлю, что упоминаніе о татарскихъ дѣлахъ находится также въ хроникѣ Andr. Dauduli, *ibid.*, 419.

⁴⁾ *Fontes rerum austr.* VIII, 564.

Ватиканѣ и напечаталъ его въ своемъ отзывѣ о моей книгѣ. Но его замѣчаніе о томъ, что письмо Казимира къ папѣ было не реляціей, а просьбою о духовномъ разрѣшеніи, и потому не могло быть ложнымъ, ибо въ противномъ случаѣ по каноническимъ правиламъ папское разрѣшеніе не имѣло бы силы, что, конечно, было извѣстно въ канцеляріи Казимира, не кажется убѣдительнымъ. Гораздо болѣе правдоподобно предположеніе г. Липниченка, что въ 1340 г. Казимиръ послалъ папѣ извѣщеніе два раза, при чемъ, по ходу обстоятельствъ, они далеко не согласовались одно съ другимъ. Папское письмо 1341 г. въ такомъ случаѣ есть отвѣтъ за одинъ разъ на оба Казимировы письма и потому заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя противорѣчія. Въ виду этого мнѣніе, что лакуна въ занимающемъ насъ папскомъ письмѣ отъ 29-го іюня 1341 г. не что иное, какъ пропускъ имени Detko, пропускъ совершенно обычный въ копіяхъ съ документовъ папской канцеляріи, врядъ ли можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что по свѣркѣ документа съ оригиналомъ пропускъ оказался и тамъ. Пересмотрѣвъ указанныя выше источники, относящіеся къ событіямъ 1340 г., и сличивъ ихъ со всѣми другими извѣстными мнѣ данными, прихожу къ заключенію, что мое изложеніе событій этого года не исчерпываетъ и не рѣшаетъ вопроса. Я не могу и теперь предложить какую нибудь гипотезу, которая бы окончательно устранила разныя сомнѣнія. Объясненіе хода событій у гг. Лисевича и Липниченка оставляетъ очень много недоумѣній. Участіе татаръ, отношеніе Казимира къ Угріи, подробности предпріятія Казимира, время похода (то-есть, весной или осенью),—все это пока еще окутано туманомъ. Врядъ ли можно надѣяться, что, напримѣръ, подробности предпріятія Казимира будутъ когда нибудь уяснены, но другія обстоятельства, напримѣръ, угорскія и особенно татарскія, можно надѣяться, уяснятся, благодаря расширенію круга источниковъ, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстными. Особеннаго вниманія заслуживаютъ событія татарскія. Отдаленныя извѣстія о 1340-мъ годѣ потому именно такъ многочисленны, что они вызваны грозой татарскаго движенія. Полагать, что такъ громко было предпріятіе Казимира,—очень большое заблужденіе. Проверка всѣхъ относящихся сюда источниковъ и, по крайней мѣрѣ, сведеніе ихъ въ цѣлое представляетъ дѣло насущной необходимости. Было бы очень желательпо, еслибы этимъ дѣломъ занялись краковскіе или львовскіе ученые.

О 1340-мъ годѣ я бы рѣшился утверждать теперь только два положенія: 1) Казимиръ предпринялъ всего одинъ походъ на Русь, и

2) походъ этотъ не привелъ ни къ какимъ благопріятнымъ для Казимира результатамъ. Это, однако, вовсе не колеблетъ взгляда на весь періодъ борьбы 1340—1387 г., какъ на періодъ, въ теченіе котораго обладаніе Галичемъ оставалось спорнымъ. Спорность этого обладанія лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Событіе 1340 г. составляетъ, такъ сказать, начальную точку цѣлой линіи событій, продолжающихся до 1387 г. Эта точка не ясна, но вся линія обозначается слишкомъ ярко.

Событія 1340 г. вызываютъ вопросъ о личности Дмитрія Дѣтка. Г. Линниченко пытается нѣсколько разъяснить этотъ вопросъ. Конечно, полнаго уясненія врядъ ли и можно ожидать, но предположенія г. Линниченка могли бы имѣть большее значеніе, еслибы высказаны были менѣе небрежно¹⁾. Указанія г. Линниченка, повидимому, даютъ возможность тѣснѣе связать Дѣтка съ Галичиной, чѣмъ это было доселѣ. Можетъ быть, дѣйствительно Дѣтко принадлежалъ къ перемышльскому боярству, и въ такомъ случаѣ его связь съ Даниломъ Острожскимъ является новымъ характернымъ указаніемъ на взаимныя отношенія частей Галицко-Волынской земли. Въ пожалованіи Ягайла Федору Острожскому сохранилось косвенное указаніе на услуги Острожскихъ Либарту, а союзъ Данила съ Дмитріемъ объясняетъ, въ чемъ заключались эти услуги.

Можетъ быть, названіе Detko означаетъ дядю или дѣда и указываетъ на неизвѣстныя намъ родственныя отношенія Дмитрія къ Юрію. Мнѣніе о княжескомъ происхожденіи Дмитрія высказано было уже Д. И. Иловайскимъ (Исторія Россіи, II, пр. 23). Объ обоихъ этихъ мнѣніяхъ можно сказать столько же за, сколько и противъ, но рѣшительно нельзя согласиться съ предположеніемъ г. Линниченка, что Дмитрій оставался „приверженцемъ Юрія до конца и едва ли участвовалъ въ дворцовомъ переворотѣ, погубившемъ несчастнаго князя, такъ какъ и впоследствии тепло о немъ отзывается, называя его *felicis memoriae*“. Очевидно, основаніе этого мнѣнія столь же шатко, какъ и мнѣніе Ржезубка о воспитаніи Юрія Болеслава при дворѣ Юрія I. Скорѣе можно думать, что Дмитрій былъ главою оппозиціи противъ князя, ибо въ противномъ случаѣ партія княжескихъ противниковъ, погубившихъ князя, не позволила бы ему удержаться, а

¹⁾ Такъ, напримѣръ, на основаніи двухъ актовъ 1385 г., г. Линниченко дѣлаетъ выводъ, что въ этомъ году Дѣтка уже не было въ живыхъ и что онъ умеръ, „не оставивъ потомковъ и вообще наследниковъ“, а нѣсколькими строками ниже предлагаетъ вопросъ: „не былъ ли мужъ боярыни Хоньки, Васько Дядьковичъ, сынъ Дѣтка“ (май, 166).

тѣмъ болѣе возвысится ¹⁾); что касается грамоты Дмитрія торунскимъ купцамъ, то дата ея опредѣляется предположительно. Фойхтъ и Вѣлевскій относятъ ее къ 1341 г., въ *Monum. Hung.* она отнесена къ 1347 г. Последнюю дату принимаетъ г. Линниченко. Жаль, что онъ не указалъ оснований для такого предпочтенія. Дѣло въ томъ, что нѣмцы были очень заботливы въ обезпеченіи своихъ торговыхъ интересовъ и врядъ ли ждали бы до 1347 г. ²⁾. Еслибы, однако, предпочтеніе г. Линниченка могло быть твердо обосновано, то правленіе Дмитрія до 1347 г. было бы очень важнымъ указаніемъ для опредѣленія отношеній Галичины къ Польшѣ за время 1340—1347 г. Между прочимъ, благодаря этому, могло быть устранено недоразумѣніе, причиняемое документомъ 1346 г., по которому поручители Яна короля чешскаго, Карла, маркграфа моравскаго, и Яна, князя хорутанскаго, обязываются Казимиру польскому явиться въ случаѣ надобности въ Галичѣ (*in castro Halicz*) ³⁾ въ теченіе четырнадцати дней. Можно было бы въ такомъ случаѣ не сомнѣваться, что упоминаемый здѣсь Галичъ есть Галичъ угорскій (нынѣ Гачъ, Gacs), хотя во всякомъ случаѣ послѣдній пунктъ былъ гораздо болѣе удобенъ для мирныхъ сдѣлокъ, чѣмъ русскій Галичъ. Наконецъ, что Дѣтко и Deschк въ грамотѣ Людовика 1344 г. одно и то же лицо,—это признаетъ и г. Линниченко.

Изъ обстоятельствъ, предшествующихъ 1349 г., заслуживаетъ вниманія упоминаніе о разореніи русскими (*per infidelium Ruthenorum devastationem et incendia*) г. Стинавы. Объ этомъ фактѣ упоминаетъ грамота слезскаго герцога 1348 г. ⁴⁾, и онъ обыкновенно объясняется такимъ образомъ, что здѣсь рѣчь идетъ о галицкихъ русскихъ, находившихся въ войскѣ Казимира въ качествѣ новыхъ подданныхъ его во время похода на Слезію. Это несомнѣнно важное указаніе не слѣдуетъ выдѣлять изъ ряда другихъ фактовъ, которые могутъ устранить недоумѣніе. Къ 1345 г. русскій Санокъ уже принадлежалъ Польшѣ. Когда онъ отошелъ къ ней, — не извѣстно. Если Санокъ отошелъ къ Казимиру раньше 1345 г., то участіе русскихъ саночанъ въ войнѣ Казимира вполнѣ объясняетъ упоминаніе о нихъ въ стинавской грамотѣ

¹⁾ С. Борьба, 68—69, 138—139.

²⁾ Тамъ же, 62, пр. 2.

³⁾ *Dogiel*, Cod. d., I, стр. 5.

⁴⁾ *Tschoppe und Stensel*, Urkundensamml., стр. 560.

1348 г. ¹⁾). Не такъ легко объяснить упоминаніе папъ о мирѣ съ литовцами около 1345 г. Быть можетъ, этимъ миромъ закрѣплялась уступка Польшѣ Санока. Ближайшихъ свѣдѣній нѣтъ ²⁾).

Что касается событій 1349 г., то дѣйствительно всѣ источники направляютъ Казимира въ этомъ году на Волынь. Но единогласное и буквально одинаковое упоминаніе объ этомъ русскихъ лѣтописей ³⁾ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой указанъ выше: Волынь—здѣсь часть того цѣлага, которое къ половинѣ XIV вѣка окончательно объединилось, выраженіемъ чего и было то, что главнымъ стольнымъ городомъ земли (*civitas capitalis*) былъ не Львовъ, а Владиміръ. Это не Волынь въ тѣсномъ смыслѣ слова, а часть ея—земля Львовская. Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ военныя дѣйствія 1350 г., сосредоточившіяся около этой земли ⁴⁾). Вотъ почему рѣшительно нельзя принять предположенія г. Линниченка, что Казиміръ въ 1349 г. могъ овладѣть Галицкой Русью безъ борьбы, путемъ мирныхъ переговоровъ съ татарами. Вопервыхъ, переговоры съ одними татарами было не достаточно для пріобрѣтенія Галичины, вторыхъ, въ самыхъ дѣйствіяхъ 1350—1352 гг. мы видимъ татаръ на сторонѣ Литвы. Очевидно, слѣдовательно, переговоры Казимира съ татарами въ 1349 г. ни къ чему не привели. Также точно невѣрно настаиваетъ г. Линниченко на 1351 г., какъ на датѣ перваго известнаго намъ перемирнаго договора между Польшей и Литвой-Русью. Г. Линниченко говоритъ: „договоръ Казимира съ Литвою... долженъ быть отнесенъ къ 1351 г. и составленъ уже послѣ бѣгства Кейстута и возвращенія Людовика въ Венгрію, и при томъ, повидимому, осенью этого года, во всякомъ случаѣ до 1-го октября, такъ какъ срокъ перемирія начинается именно съ этого числа“. Но дѣло вотъ въ чемъ. 12-го сентября 1351 г. умираетъ мазовскій князь Болеславъ Ваньковичъ. Онъ принималъ участіе въ походѣ 1351 г. противъ Литвы-Руси и умеръ во время этого похода, очевидно, по окончаніи военныхъ дѣйствій, на обратномъ пути домой, такъ какъ черезъ нѣсколько дней Казиміръ заключаетъ договоръ съ его преемниками—Сомови-

¹⁾ Замѣчаніе это было высказано мною на диспутѣ, но въ отчетѣ о немъ (*Ист. Обзор.*, 1890, I) объ этомъ почему-то не упоминаютъ.

²⁾ Папское письмо 18-го октября 1345 г., *Theiner*, M. P., 1, № 628. Въ этомъ письмѣ тоже перерывъ. Очень жаль, что г. Лисевичъ, провѣривъ письмо 1341 г., не обратилъ вниманія на это. Быть можетъ, одно недоуміе было бы устранимо.

³⁾ Объ Супрасельскіа; *Сое.*, V, 226; *Воскр.*, VII, 214; *Ник.*, X, 221.

⁴⁾ Борьба, 90—91.

томъ и Казиміромъ въ Плоцкѣ ¹⁾). Плоцкія записки, сообщающія точную дату смерти князя, указываютъ и результатъ похода 1351 года. Этотъ результатъ оказался нулевымъ ²⁾).

Подробности, сообщаемыя о 1351 г. въ Дубницкой хроникѣ ³⁾, вполнѣ разъясняютъ, въ чемъ собственно заключалась неудача. Какіе-то переговоры между воюющими сторонами въ 1351 году несомнѣнно были, но по сообщенію Дубницкой хроники, подтверждаемому отчасти указанными записками, они вовсе не касались самаго дѣла, то-есть, улаженія спорныхъ вопросовъ, а предметовъ совершенно постороннихъ: принятіе Кейстутомъ католицизма, учрежденіе въ Литвѣ архіепископствъ, епископствъ и монастырей, помощи противъ ордена и проч.

Возможности осуществленія этихъ условій не могли вѣрить сами договаривающіеся ⁴⁾; но эти формальные переговоры давали Людовику благовидный предлогъ уйти съ поля военныхъ дѣйствій, что онъ и успѣшилъ сдѣлать. Еслибы дѣйствительно въ 1351 г. Казиміру была уступлена Львовская земля, какъ это было по договору 1352 г., то составитель плоцкихъ записокъ, очевидно, близко знакомый съ дѣломъ, не могъ бы считать результатомъ похода 1351 г. одинъ лишь „конфузъ королей“, ибо пріобрѣтеніе Львовской земли всего меньше могло располагать къ конфузу. Съ другой стороны, отмѣченныя мною извѣстія нѣмецкихъ хроникъ ⁵⁾ показываютъ, что дѣйствительно серьезныя военныя дѣйствія произошли лишь въ 1352 г. Эти серьезныя дѣйствія и привели къ серьезному миру, который,

¹⁾ Kod. Maz., № 72.

²⁾ Sub anno dui 1351, XII Kalendas Septembris obiit dux Boleslaus Plocensis, filius Wankonis, in expedicione: quia promiserat dux Kyeustut baptizari cum omnibus fratribus suis et Lithuanis Carulo, regi Ungarorum, et Casimiro, regi Poloniae, quod minime adimplevit et fugam tempore noctis inivit, et reges supradicti confus redierunt, (M. P. H., III, 120).

³⁾ Не понимаю, почему г. Лисевичъ упрекаетъ меня въ томъ, что мнѣ остался неизвѣстенъ этотъ источникъ. Напротивъ, я подробно коснулся его въ примѣчаніи, Борьба, 94, пр. 1, и некоторыя подробности внесъ въ изложеніе событій

⁴⁾ Таково, напр., условіе, чтобы король польскій и угорскій вернули Литвѣ земли, отнятыя рыцарями. Въ какой мѣрѣ могъ быть расположенъ къ исполненію этого условія извѣстный благопріятель ордена—Людовикъ, нечего, кажется, объяснять.

⁵⁾ Борьба, 96, пр. 1: 1352 Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabil; per Russiam transiens, animo destruendi Cracoviam. In Martio 1352 Tartari et Ruteni pagani cum multis legionibus contra regem Cracoviae intrant Poloniam. Se. гг. ргus., II, 737, 742. Обращаю вниманіе на точность сообщенія во второмъ извѣстіи.

хотя и не былъ выполненъ со стороны Литвы-Руси, — такъ сильно онъ нарушалъ ея интересы, — но во всякомъ случаѣ въ своихъ условіяхъ заключалъ не очевидную фиктивность, а реальную дѣйствительность въ видѣ уступки Польшѣ Львовской земли.

Изъ вопросовъ, относящихся къ военнымъ событіямъ борьбы за галицко-владимірское наслѣдіе, осталось разсмотрѣть лишь договоръ 1366 г. Въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ договорѣ я исходилъ вотъ изъ какихъ основаній. Борьба за галицко-владимірское наслѣдіе не была личнымъ дѣломъ Любарта, а общимъ дѣломъ представителей Литвы-Руси. Оттого въ ней принимаетъ такое дѣятельное участіе Кейстутъ, оттого она оказываетъ замѣтное вліяніе и на дѣйствія Ольгерда. Солидарность дѣйствій Гедиминовичей не подлежитъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾. Договоръ 1352 г. и заключенъ поэтому не отъ имени одного Любарта, а отъ имени главнѣйшихъ литовскихъ князей. Если поэтому мы встрѣчаемъ договоръ, заключенный отъ имени одного лишь Любарта, то такой договоръ, именно въ силу солидарности Гедиминовичей, могъ быть лишь предварительнымъ, требующимъ окончательной санкціи другихъ представителей государства, не менѣе Любарта заинтересованныхъ въ общемъ дѣлѣ. Такую санкцію и могъ бы представлять документъ Нарушевича, дѣйствительно зарегистрированный Кромеромъ ²⁾; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы совпадать въ опредѣленіи границъ уступленныхъ Казимиру земель съ предварительнымъ договоромъ между Казиміромъ и Любартомъ. Такого совпаденія нельзя провести вполнѣ. Предлагаю посмотреть на карту генеральнаго штаба, или хотя бы на карту Западной Россіи Гандтке. Однако, возможно допустить, что при окончательномъ договорѣ отъ имени литовскихъ князей граница была опредѣлена и со стороны владѣній Кейстута, то-есть, что этотъ договоръ могъ представлять улаженіе и мазовско-литовскихъ отношеній, являясь дополненіемъ къ договору, заключенному съ Мазовіей въ 1358 г. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ предшествовать частному договору Любарта съ Казиміромъ, какъ предполагаетъ г. Чучинскій и г. Линниченко, волюнѣ повторяющій его соображенія.

Вотъ главнѣйшія замѣчанія, которыя мнѣ казалось не лишнимъ представить по поводу знаменательнаго польско-русскаго спора. Эти

¹⁾ См. Борьба, 101—102, 113—114.

²⁾ *Kwartaln. Hist.*, 1890, III, 513.

соображенія касаются пока лишь одной его части—военныхъ дѣлъ, на которыя обращено было главнѣйшее вниманіе. Было бы очень желательно, еслибы и церковныя галицкія дѣла обратили на себя такое же вниманіе. Они не менѣе важны и не менѣе характерны. Будемъ ждать обѣщаннаго г. Лисевичемъ изслѣдованія о распространеніи католицизма въ Галицкой Руси. Быть можетъ, и русскіе ученые обратятъ на Галичъ большее вниманіе¹⁾. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ вполне заслуживаетъ этого.

И. Филевичъ.

¹⁾ При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ важно будетъ рѣшить вопросъ о папской грамотѣ 1341 года. То, что сказано о ней на стр. 335 и 336, не ясно и возбуждаетъ новыя недоумѣнія. Возвращаясь къ своему предположенію о присутствіи *лакумъ* въ текстѣ грамоты. Г. Филевичъ ссылается на *подлинникъ*, сообщенный въ извлеченіи польскихъ ученыхъ, и говоритъ, что въ *оригиналѣ* сказанія тотъ же самый пропускъ, какъ и въ наданіи Тейнера, гдѣ онъ отъсѣченъ четырьмя точками. Но что они разумѣютъ подъ *оригиналомъ*? Тутъ нужно имѣть въ виду три вещи: 1) кодацъ или черновой проектъ письма; 2) подлинную, какъ слѣдуетъ переписанную, грамоту, отправленную по назначенію, и 3) копию, внесенную въ регистръ, при чемъ нужно замѣтить, что за австрийское время регистръ сохранился въ двойномъ видѣ: первоначальномъ современномъ и позднѣе переписанномъ. Подлинникъ грамоты краковскому архіепископу былъ, конечно, отправленъ въ Польшу и не долженъ находиться въ Ватиканскомъ архивѣ. Само собою разумѣется, что въ немъ нельзя предполагать пропуска—ни малаго, ни большаго. Что же имѣлъ въ рукахъ Лисевичъ? Тейнеръ надалъ документъ по *оригинальному* регистру, а г. Лисевичъ,—всего вѣроятнѣе, слышалъ его текстъ съ кодацомъ, такъ какъ книги кодацетовъ тоже отчасти сохранились отдѣльно. Нужно имѣть въ виду, что и копии регистра переписывались не всегда съ подлинниковъ, а также и съ кодацетовъ. Сокращенія еормулъ въ началѣ и концѣ и обозначеніе въ текстѣ собственныхъ именъ первомъ буквою или же только точками естественны и обычны какъ въ кодацетахъ, такъ и въ копияхъ регистра, и могутъ быть одинаковы, а такая лакума, о какой думаетъ г. Филевичъ, въ кодацетѣ была бы довольно странною...

Еще одно замѣчаніе. Удивляемся, зачѣмъ г. Филевичъ и всѣ его критики продолжаютъ цитовать Витодурана и монаха Леобенскаго по старымъ наданіямъ, когда существуютъ новыя болѣе исправныя: для I. Вингертурскаго *von Wuz* въ *Archiv für schweizerische Geschichte* (1856 г.) и отдѣльно, для I. Виктринга, который собственно и нуженъ, а не продолжатель его монахъ Леобенскій: *Ioannis Victorienis Chronicon Carinthiae* у *Boehm*, *Fontes rerum Germanicarum*, T. I (1848). О послѣднемъ—полезныя свидѣнія см. *Logels, Geschichtsquellen*, I^o, 252, а о первомъ *ibid.* 68 и сл. Ред.